

**Санкт-Петербургский государственный университет
Исторический факультет
Кафедра истории древней Греции и Рима
Центр антиковедения**

МНЕМОН

**Исследования и публикации по истории
античного мира
Под редакцией профессора Э.Д. Фролова**

Выпуск 6

**Санкт-Петербург
2007**

А.Г. Грушевой
**Принципы взаимоотношений Рима и
ранней Византии с аравийскими
кочевниками**

Во всех сторонах жизни восточных регионов Сирии и сирийского региона, в том числе и в хозяйственной, заметную роль играли кочевые племена. Регулярное сезонное присутствие на территории провинций значительных групп кочевников со своими стадами всегда требовало решения большого количества проблем экономического и административного характера уже хотя бы потому, что за исключением земель абсолютно непригодных для сельскохозяйственных нужд, вся территория провинции имела конкретного хозяина – администрацию того или иного города. Иными словами, нахождение на такой территории любых «инородных» групп людей требовало, какой-то регламентации этих отношений. Для ближневосточной границы мы почти не располагаем прямыми подтверждениями этого регламентации. Однако здесь уместно привлечение параллельного материала ввиду того, что взаимоотношения римской администрации с аравийскими кочевниками это лишь одно из проявлений взаимоотношений Рима с приграничными народами в целом.

Материал из тех регионов, где эти взаимоотношения документированы лучше (Галлия, Германия, Северная Африка, Македония)¹, ясно показывает, что римляне, с первого момента своего появления в регионе, населенном племенами, находящимися на родоплеменной стадии развития, всегда регламентировали свои взаимоотношения с ними, используя одни и те же политические, политико-экономические и экономические методы, а именно: 1) заключение договоров о союзе; 2) обеспечение торговых свя-

¹ Политика Рима в этих районах и взаимоотношения с приграничными племенами в них подробно освещена в сочинениях Цезаря, Тацита, Саллюстия, Цицерона и Плутарха.

зей и поставка союзникам товаров; 3) покупка деньгами политической верности Риму, а также защита имущественных интересов и самого уклада жизни союзных племен от посягательств со стороны враждебных племен. Непосредственным результатом этих мер становилось быстрое изменение всех экономической и политической жизни племен, оказывавшихся в орбите римских интересов.

Что же касается ближневосточной границы, то мы по настоящему осведомлены лишь о самом начале и конце этой регламентации отношений с кочевыми племенами региона. Началом же этой политики, послужившим хорошим образцом для политики римлян стал один эпизод царствования Ирода Великого, рассказанный Иосифом Флавием. История эта хорошо известна и пересказывается во многих работах, хотя, наверное, не на все ее нюансы обращали внимание.

События, о которых далее пойдет речь, происходили на семнадцатый год царствования Ирода². Иосиф Флавий, описывая этот год, сообщает, что под власть Ирода были переданы Августом Трахоней, Батаней, Ауранитида, несколько позже – и другие области на правом берегу Иордана³. Этот шаг был вызван заботой о безопасности приграничных районов Сирии, ибо правивший в Заирданье Зенодор покровительствовал разбойникам и кочевникам, совершавшим набеги на районы, прилегающие к Дамаску.

История же, рассказываемая Иосифом Флавием, весьма важна, ибо показывает, что все принципы взаимоотношений Рима и Ранней Византии с аравийскими кочевниками, были целиком заимствованы из политической практики правителей доримского времени. Благодаря же счастливой случайности имеющийся в нашем распоряжении текст позволяет проследить взаимоотношения Ирода и аравийских племен весьма подробно.

Ant., Jud., XV, 344: «Некий Зенодор купил владения Лисания. Ему, Зенодору, не хватало доходов, имея же в Трахонитиде разбой, он увеличил доход. Ибо эти места населяют люди, живущие

² Семнадцатый год царствования Ирода – 20 г. до н. э. Эта дата сообщается в Ant. Jud., XV, 354. Краткое изложение событий в Bel. Jud., I, 398-401 завершается указанием на 15-й год царствования Ирода. Следовательно, рассматриваемые ниже события, связанные с именем Зенодора, можно датировать – 22-20 гг. до н. э.

³ Fl. Jos., Ant. Jud., XV, 344-360=Bel. Jud., I, 398-400; Ant. Jud., XVI, 271; XVII, 319; Bel. Jud., II, 95.

безрассудно, которые грабили территории вокруг Дамаска, а Зенодор и сам не мешал, и соучаствовал в прибыли».

Слова Иосифа Флавия о покупке Зенодором владений Лисания ясно показывают, что Зенодор приобрел владения Итурейского правителя. В это время в данном районе других правителей с именем Лисаний не было. Таким образом, Зенодор является последним фактическим правителем Итурейского государства.

Исследователей обычно занимает вопрос об этническом происхождении Зенодора и о его возможных связях с Итурейской династией⁴. Для нас же в данном случае гораздо более важен тот факт, что перед нами единственный засвидетельствованный в источниках эпизод регламентации взаимоотношений с аравийскими кочевниками политико-экономическими методами. Тот факт, что Зенодор был весьма двусмысленной личностью, если не сказать просто – разбойником, в данном случае вторичен. Урегулирование взаимоотношений с кочевниками было объективной необходимостью любого правителя данного региона.

Объективности ради надо отметить, что Иосиф Флавий называет этих подданных Зенодора то разбойниками, то арабами. С одной стороны, это может означать, что для него эти понятия являются синонимами. С другой стороны, вполне вероятно, что среди подданных Зенодора действительно были и кочевники, и разбойники, происходящие из мира оседлых.

Иосиф Флавий сообщает нам в этой связи два факта, характеризующие политику Зенодора в этой сфере. Желая обеспечить дружественное отношение кочевников к себе и своей власти, Зенодор, как уже говорилось, не препятствует одному из традицион-

⁴ Р. Дюссо без каких-либо на то оснований считает, что Зенодор был арабом и имел поручение от самого Августа бороться с набегами аравийских племен (R. Dussaud. *Les arabes en Syrie avant l' Islam*. Paris, 1907. P. 165). В. Шоттрофф с излишней уверенностью пишет о том, что Зенодор принадлежал к итурейской династии (Schotroff W. *Die Ituräer // ZDPV. Bd. 98, 1982. S. 142-143*). Наиболее разумной представляется позиция Э. Шюрера, который воздерживается от окончательных суждений по этим вопросам (Schürer E. *Geschichte des jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi. Erster Band. Einleitung und politische Geschichte*. Leipzig, 1901. S. 714-715), тем более, что единственная характеристика Зенодора у Иосифа Флавия – это неопределенное местоимение τὶς – кто-то, некто. Анализ всех известных свидетельств источников о разбое и разбойниках в регионе есть в следующей работе – Isaac B. *Bandits in Judaea and Arabia // HSCP. Vol. 88, 1984. P.171-203*.

ных экономических занятий кочевников – набегам, получая к тому же какой-то процент от награбленного. Оба эти факта, (невмешательство в набег и процент от награбленного) естественно, должны были оформляться в виде каких-то соглашений, скорее письменных, чем устных, как показывает последующее изложение событий, связанных с именем Зенодора.

Несколько ниже, в той же пятнадцатой книге «Иудейских древностей» историк пишет⁵, что набег союзных Зенодору племен на районы вокруг Дамаска привели к массовым жалобам на Зенодора, которые дошли до Августа. В дело был вынужден вмешаться легат провинции Сирия, который отогнал аравийские племена за пределы римских владений. Что касается Августа, то он распорядился передать владения Зенодора под власть Ирода, однако здесь возникло неожиданное препятствие.

Политическая нестабильность вокруг владений Зенодора привела к волнениям аравийских племен, не желавших оказываться под властью Ирода. Зенодор же, видимо из желания разрядить ситуацию⁶, продал аравийским кочевникам за 50 талантов часть принадлежавшей ему Ауранитиды, желая, насколько можно понять, обеспечить своих союзников по грабежу земельной собственностью. Лишь энергичное вмешательство Августа и смерть Зенодора от болезни способствовали установлению относительного спокойствия в регионе и передаче владений Зенодора под власть Ирода.

Ироду, однако, достались не только территории, но и проблемы, связанные с кочевниками, которые опять же необходимо было решать политико-экономическими методами. Иосиф Флавий рассказывает о разрешении этой ситуации, используя, правда, не во всем ясные выражения по сути выражения⁷.

Историк пишет о том, что племена, которым Зенодор продал часть Ауранитиды и которые не получили ее так как Август распорядился передать эти территории Ироду, стали оспаривать это решение, считая, что лишились ее незаконно. При этом, как под-

⁵ Fl. Jos., Ant. Jud., XV, 351-352.

⁶ Иосиф Флавий (Ant. Jud., XV, 352) предлагает иное объяснение. Он пишет о том, что Зенодор «разуверился в своих делах». Если исходить из контекста, то смысл этих слов можно, вероятнее всего, можно понимать следующим образом. С точки зрения Иосифа Флавия, Зенодор разуверился в возможности сохранить свою власть.

⁷ Fl. Jos., Ant. Jud., XV, 352-353.

черкивает Иосиф Флавий, кочевники иногда устраивали набеги, иногда же – обращались к судебному разбирательству (καὶ πρὸς δίκαιοι λογίαν ἴδυντες). Последние слова особенно важны для нас тем, что показывают основательность оформления сделки с Зенодором. Обращение в суд было бы, естественно, невозможно без представления документов по сути претензий. Иными словами, Зенодор оформил продажу Ауранитиды надлежащим с юридической стороны образом, что и позволяло аравийским племенам заявлять о своих претензиях в суде, так как документы, подтверждающие сделку, у них были.

К сожалению, для современного исследователя, этот сюжет не очень интересовал Иосифа Флавия. Он, упомянув тот факт, что аравийские племена делали попытки решить путем обращения в суд, сразу переходит к логическому концу этой истории, не сообщая, в какие именно судебные инстанции могли обращаться представители племен.

На наш взгляд, здесь возможны только два предположения. Они могли обратиться к представителям императора с петицией на имя Августа, или же, как показывают последующие события, обратиться к Ироду с просьбой о разрешении ситуации. В пользу первого предположения можно указать на тот факт, что инициатива юридического разрешения ситуации вокруг владений Зенодора исходила в дальнейшем именно от Августа. В пользу второго предположения свидетельствует, на наш взгляд, поступки Ирода, ставящие точку в истории о продаже Ауранитиды кочевникам.

Иосиф Флавий сообщает, что аравийские племена нашли поддержку у бедных, склонных к волнениям воинов и стали, таким образом, представлять силу, с которой Ирод вынужден был считаться⁸. В результате Ироду пришлось решать все проблемы, связанные с владениями Зенодора, исключительно переговорами и уговорами, не желая давать повод для возникновения мятежа.

К истории Зенодора Иосиф Флавий возвращается в «Иудейских древностях» и в других книгах. Одно из таких мест весьма важно для темы исследования. Иосиф Флавий сообщает⁹, что жители владений Зенодора не имели возможности заниматься грабежом, вынуждены были заняться земледелием, живя мирно.

⁸ Иосиф Флавий не уточняет, какие именно воины могут здесь иметься в виду. Видимо, в спорном районе проживали получившие земельные наделы воины армии Ирода.

⁹ Fl. Jos., Ant. Jud., XVI, 271.

Сопоставление сведений из 15-ой и 16-ой книг Иосифа Флавия показывает, что именно сделал Ирод. Ауранитида, проданная арабийским племенам, была им оставлена, однако кочевники, которых историк называет исключительно разбойниками, были поставлены Иродом под жесткий контроль, который, правда, оказался не очень действенным.

Иосиф Флавий признает, что почвы в этом районе оказались не очень плодородными и не приносили большого дохода работающим на земле. В результате, когда Ирод отправился из Палестины в Рим, кочевники вновь обратились к привычному стилю жизни: к грабительским набегам. Окончательное же умиротворение в регионе наступило только после вмешательства римских войск, обращение к которым последовало как вследствие чисто экономических причин¹⁰, так и политических. Иосиф Флавий пишет о том, что конфликт Ирода с кочевниками стал в известном смысле слова интернациональным – их поддерживали набатеи¹¹. Здесь, к сожалению, для исследователя, остается не вполне ясной две важные детали. Иосиф Флавий пишет¹², что Ирод потребовал не только разбойников, но и возврата 60 талантов, которые он дал в долг Ободату, царю набатеев через посредничество Силлая, высокопоставленного придворного при дворе Ободата. Недостаточно ясны слова о требовании выдачи разбойников – кому, собственно, они были адресованы? Не ясно также, является ли простым совпадением упоминание в этом контексте необходимости возврата 60 талантов долга, или же Ирод потребовал возврата этих денег от представителей племен. Основания для такого предположения есть, ибо Иосиф Флавий называет Силлая пособником арабийских племен. Ситуация разрешилась для Ирода благополучно: в результате римской поддержки, на территории его владений не осталось «ни одного араба», замешанного в каком-либо преступлении. Мы не знаем точно, что именно могло скрываться за этими словами, ясно лишь то, что и римлянами, и военными силами самого Ирода были приняты очень решительные меры по наведению порядка.

Слова об отсутствии на территории владений Ирода арабов, замешанных в каком-либо преступлении, важны в двух отношениях. Во-первых, видно, что для Иосифа Флавия понятия «араб» (в

¹⁰ По словам Иосифа Флавия (*Ant. Jud.*, XVI, 277-281), на этот раз ущерб владениям Ирода от набегов кочевников был очень велик.

¹¹ *Fl. Jos.*, *Ant. Jud.*, XVI, 275, 279-281.

¹² *Fl. Jos.*, *Ant. Jud.*, XVI, 278.

данном случае кочевник) и «разбойник» синонимичны. Во-вторых, сама грамматическая конструкция фразы показывает, что Ирод совершенно не собирался отказываться от политико-экономической регламентации взаимоотношений с кочевниками, удалив за пределы своих владений лишь часть недавних кочевников. Все это означает, что в конечном счете, в Ауранитиде, проданной аравийским племенам Зенодором, аравийские племена все же остались, а их взаимоотношения с локальной властью, представленной Иродом, были урегулированы на основе компромисса, который устраивал обе стороны. Из текста Иосифа Флавия вытекает, правда, лишь то, что такой компромисс был найден. Историк не сообщает, к чему сводилось соглашение сторон. Видимо все же речь шла о том, что Ирод, выступив правопреемником Зенодора, в той или иной форме признал законность пребывания кочевников в Ауранитиде. Все же самого интересного мы не – признал ли Ирод законность факта продажи земли кочевникам, или в той или иной переоформил акт продажи согласно своим представлениям так, как это устраивало его больше.

Рассказанная Иосифом Флавия история важна тем, что позволяет проследить все этапы политико-экономической регламентации взаимоотношений с кочевниками. Появление аравийских племен на территории, находящейся под контролем сперва местного правителя, а затем – Рима, сопровождалась регламентацией финансовых вопросов, которые могли волновать обе стороны, а также – территориальных.

Как показывает пример рассмотренной истории взаимоотношений Зенодора, Ирода и кочевников приграничной полосы, взаимоотношения кочевников и правителей сирийского региона в финансовой сфере могли обретать скандальный, или авантюрный характер. Так, нельзя исключать, что аравийские кочевники могли быть посредниками в передаче денежных средств займа от Ирода набатейскому царю. Однако, вне зависимости от конкретных ситуаций¹³, по сути своей речь шла всегда о том, что правитель с помощью денежных средств добивался от кочевников либо нейтралитета, либо даже активной поддержки¹⁴. Особо отметим,

¹³ Аналогичные примеры, относящиеся к римскому времени, рассмотрены несколько ниже.

¹⁴ Факты показывают, что в последующую, римскую и особенно ранневизантийскую эпоху, это становится одной из важнейших задач государств, претендующих на гегемонию на Ближнем Востоке.

что такие меры, помимо политического эффекта, всегда имели также и экономический результат – приобщение к товарно-денежным отношениям. Это же, в свою очередь, способствовало втягиванию таких племен в экономические отношения оседлого населения, а, в конце концов, способствовало переходу таких племен к оседлости.

К более серьезным последствиям вела политика предоставления племенам земли, ибо это действительно создавало непосредственную базу для перехода племени к оседлости на конкретной территории и перехода от кочевой экономики к оседлой. Рассказ Иосифа Флавия показывает, что кочевники на деле перешли к оседлости и занялись земледелием. Здесь особое значение приобретает одна из отмеченных выше фраз Иосифа Флавия. Он пишет, что кочевники вернулись к грабительским набегам как из-за экономических, так и политических причин. Земледелие не приносило желаемого дохода, а контроля за ситуацией со стороны Ирода какое-то время не было, ибо он отправился по государственным делам в Италию¹⁵.

Насколько позволяет судить надпись W., 2112, политику регламентации взаимоотношений с кочевниками продолжил как минимум один из преемников Ирода¹⁶.

W., 2112: Ἐπὶ βασιλείῳ[ς Μεγάλου Μάρκου Ιου]λίου Ἀγρίππα... [ἔτους].....

Χάρητος ἔπα[ρχος] σπείρης Ἀὐ[γούστης καὶ στρατηγ]οῦς
νομάδωνης

καὶ Χαλ.....»

«[При цар[е Великом Марке Ю]лии Агриппе.....[в год].....»

Харит пред[водитель Августовой] манипулы и [стра]тег кочевников

и Хал.....»

Остается, к сожалению, не ясным, о каком именно из двух, правивших в I в. н. э. царей с именем Марк Юлий Агриппа, может в данном случае идти речь. Несколько более вероятным представляется предположение о том, что это Агриппа I. От второго титу-

¹⁵ Взаимоотношения кочевников и Ирода, по словам Иосифа Флавия, были мирными лишь в той мере, насколько Ирод отдавал распоряжение своим легатам бдительно следить за умонастроениями кочевников, не допуская никаких волнений под угрозой применения силы.

¹⁶ Некоторая неуверенность в формулировках обусловлена, с одной стороны, тем, что надпись уникальна, а, с другой стороны, тем, что сохранность ее нельзя назвать идеальной.

ла упомянутого в надписи должностного лица осталась лишь часть – $\sigma\varsigma \nu\omicron\mu\acute{\alpha}\delta\omega\nu$, однако восстановление этих слов именно до формы $\sigma\tau\rho\alpha\tau\eta\gamma\upsilon\delta\varsigma \nu\omicron\mu\acute{\alpha}\delta\omega\nu$ [«стратег кочевников»] вполне оправданно, так до нашего времени сохранилось несколько надписей, в которых этот титул присутствует в своем полном виде. В историческом же плане данная надпись важна тем, что свидетельствует о существовании в составе вооруженных сил царя Агриппы подразделения кочевников, взятого на официальную воинскую службу. Это наиболее ранний из числа сохранившихся документов такого рода. Для более раннего времени мы не располагаем свидетельствами, позволяющими с уверенностью говорить о приеме аравийских племен на официальную службу.

Отметим, подводя итоги, что ко времени установления римского господства в регионе, формы политико-экономической регламентации взаимоотношений с кочевниками обрели реальные черты, но не были отработаны в деталях. Некоторые известные надписи римского времени с территории провинции Аравии позволяют судить об этом¹⁷.

Отметим прежде всего несколько надписей с упоминанием стратегов кочевников и стратега лагерей кочевников.

Прежде всего – это W., 2196, найденная в ал-Маликийе. Точная дата составления надписи неизвестна, хотя у нас есть известные основания считать, что текст был составлен в середине II в. н.э.¹⁸ По своему жанру это надгробная надпись человека, прожившего 32 года и охарактеризованного следующим образом:

¹⁷ Количество грекоязычных надписей с территории сирийского региона, позволяющих судить о регламентации взаимоотношений с кочевыми племенами, не очень велико. Известность же их заключается в том, что они цитируются в большинстве работ по истории региона в римское время. См., например: Sartre M. *Trois études sur l'Arabie romaine et byzantine*. Bruxelles, 1982. P. 122-128. Millar F. *The Roman Near East 31 BC – AD 337*. London, 1993. P. 428-436. Весь комплекс надписей, имеющий отношение к кочевникам рассматриваемого района, разбирается также в следующих работах – MacAdam H. I. *Studies in the History of the Roman Province of Arabia. The Northern Sector*. London, 1986. P. 101-146. (BAR International series 295); Graf D. F. *Rome and the Saracens: Reassessing the Nomadic Menace // L'Arabie préislamique et son environnement historique et culturel. Actes du Colloque de Strassbourg 24-27 juin 1987*, édité par T. Fahd. Leiden, 1989. P. 341-400.

¹⁸ Обращает на себя внимание тот факт, что одно из имен упомянутого в ней персонажа – это Адриан. Иными словами, упомянутый в надписи

Ἀδριανοῦ τοῦ καὶ Σοαίδου Μαλέχου ἐθνάρχου, στρατηγοῦ νομάρχων - «Адриана, которого зовут также Соайд Малех, этнарха, стратега кочевников»¹⁹.

В этой надписи наиболее важным и ценным оказывается сочетание двух титулов: этнарх и стратег. Они показывают, что Адриан Соайд Малех, поступив на римскую службу, обрел титул «стратег», но сохранил и свой традиционный титул – «этнарх»²⁰, что в данном случае означает «племенной вождь».

Наиболее важной в данном случае оказывается надпись VASD, 7=PPAES, 752, обнаруженная Р. Дюссо и Ф. Маклером в Думе²¹. От надписи сохранились лишь заключительные слова: ..στрат[ηγ]ὸς παρ[εμ]βολῶν [ν]ομάρχων ἐτῶν κζ´. Ἦ Ἄωρε, ἄλοιπε, χαῖρε – «Стратег лагерей кочевников – 27 лет. Несвоевременно [умерший], лишенный [будущего], прощай»²².

В этой надписи обращает на себя внимание упоминание о «лагерях кочевников» (παρεμβολῶν νομάρχων). Слово παρεμβολή («лагерь, военный лагерь») ²³ неоднократно упоминается в источниках более позднего времени применительно к аравийским племенам в несколько более специфическом значении. Можно отметить, например, Narratio Нила Анкирского, у которого данное слово встречается нередко, обозначая лагерную стоянку племени²⁴.

Сопоставление контекстов надписи и «Рассказа» Нила Анкирского позволяет считать, что в надписи интересующее нас слово употреблено сходным образом – в значении «лагерная стоянка племени». Однако греческий язык надписи и появление специфического титула «стратег лагерей кочевников» позволяют сделать несколько важных в историческом смысле слова уточнений.

стратег кочевников должен был поступить на римскую службу во время правления Адриана (117-138 гг.)

¹⁹ В синтаксическом плане конструкция надписи (длинная цепочка слов в родительном падеже) вызвана идущим далее уточнением, что текст высечен на надгробном камне.

²⁰ Буквальный перевод «этнарха» - правитель народа.

²¹ Точная дата составления надписи неизвестна. Наиболее все же вероятно, что она относится к периоду II-III вв.

²² Буквальный перевод последних слов – «несвоевременный, лишенный, прощай».

²³ О значениях этого слова см. подробно GEL. P. 1335.

²⁴ Nilus Ancyranus Narratio, III, 4 (p. 13:15); IV, 5 (p. 26:15); V, 3 (p.27: 4); V, 6 (p.28:4); VI, 17 (p. 41: 7); VI, 20 (p. 43:9).

Обращает на себя внимание тот факт, что в надписи упомянут стратег нескольких лагерей кочевников. Сам титул «стратег» и множественность лагерей показывают, что этот персонаж получил и титул, и назначение от римлян. По аналогии с другими надписями можно с достаточной уверенностью говорить о том, что до этого назначения безымянный для нас стратег был вождем одного из племен, находившихся в орбите римского влияния.

Наконец назначение одного племенного вождя стратегом нескольких лагерей показывает, что римские власти продолжили засвидетельствованную со времени Ирода политику регламентации отношений с кочевыми племенами, активно используя их в своей военной политике по защите границ. Надпись показывает также, как именно решался вопрос легализации пребывания племен на территории провинции. Местам размещения племен на территории провинции (παρεμβολή) придавался официальный статус лагеря воинского подразделения, занятого защитой приграничной полосы²⁵.

Таким образом решалось сразу несколько задач. Потенциально небезопасные кочевники получали законно оформленную территорию, где могли находиться. При этом они находились под удобным для властей и эффективным контролем. Они находились на официальной государственной службе, воспринимавшейся, насколько мы можем судить по надписям, самими кочевниками как престижной. О многом здесь говорит уже сам факт составления надгробных надписей таких вождей на греческом. Перед нами явное свидетельство самоидентификации этих вождей уже в рамках общегосударственной, античной культуры.

С другой стороны, нельзя не отметить и следующего. Хорошо организованная сеть дорог и размещение в провинции Аравии целой серии более или менее крупных воинских соединений делали легкими ликвидацию любых возможных волнений²⁶.

Три другие надписи, найденные на территории провинции Аравии, иллюстрируют еще один аспект в урегулировании взаимоотношений римской администрации и кочевых племен.

²⁵ Вероятнее всего места пребывания каждого конкретного племени на территории провинции были одними и теми же из года в год.

²⁶ Об организации римской границы во II в. см. например: Parker S. Th. *Romans and Saracens: a History of the Arabian Frontier*. Philadelphia, 1986. P. 124-129. Дороги и локализация размещений воинских соединений в регионе указаны на картах, приведенных в той же книге на стр. 138-141. О задачах римской армии в провинции Аравии см. также: Isaac B. *Bandits in Judaea and Arabia*. P. 172-173.

Так, в поселении Мушанаф найдена следующая надпись посвященного характера: AAES, 383: Θεοδώρου συνδίκου νομάδων – «Теодора синдика кочевников».

В этой надписи наиболее важным оказывается название должности, занимаемой Теодором. Понятие «синдик» (σύνδικος) достаточно точно соответствует современному «адвокат»²⁷. Таким образом, Теодор был ходатаем по делам кочевников. Одна надпись не позволяет точно определить, какими именно делами занимался Теодор и как он защищал кочевников. Все же рассмотренная выше история о взаимоотношениях Зенодора, Ирода и кочевников позволяет хотя бы примерно представить, какими именно дела кочевников мог решать в провинциальной администрации адвокат кочевников.

Две другие надписи, сообщающие о посредниках между племенами и представителями провинциальной администрации, не столь определены и однозначной интерпретации не поддаются. Во фрагментированной надписи W., 2203, найденной в Тарбе, упоминаются представители кочевников, делающие посвящение легату провинции.

...πρεσβ(ευτην) Σεβ(αστου) αντιστρά(τηγον) οἱ ἀπὸ ἔθνου? νομάδων ἀγνείας χάριν – «...легата Августа, пропретора²⁸ (представители) кочевых народов благочестия ради».

Стоящая в тексте надписи формула οἱ ἀπὸ в принципе имеет разные возможности для истолкования из-за отсутствия в нем основного смыслового слова. Так, М. Сартр²⁹ считает, что здесь, без сомнения, речь идет о воинах, выбранных из числа кочевников. И все же отсутствие в тексте каких-либо «военных» реалий делает такое истолкование сомнительным. На наш взгляд, формулой οἱ ἀπὸ вполне могли быть обозначены специально выбранные представители племен, выбранные для совершения посвящения наместнику провинции. Надпись интересна косвенным подтверждением того, что проблемы, связанные с кочевниками, всегда оставались в поле зрения провинциальной администрации³⁰.

²⁷ См. подробно GEL. P. 1703.

²⁸ Титулатура наместника провинции.

²⁹ Sartre M. Trois études sur l'Arabie romaine et byzantine. Bruxelles, 1982. P. 124.

³⁰ Самый известный и, возможно, самый результативный случай вмешательства официальных должностных лиц провинции Аравии в дела кочевников – это греко-набатеиские билингвы 166-169 гг. н.э. из Руввафы,

Заслуживает также внимания надпись W., 2287, найденная в Хеброне и упоминающая о существовании у племени, или клана Мозайд патрона покровителя:

Φυ(λή) Μοζαιεδηῶν Ἀὐρ. Ἀντόνιον Σαβεῖνον οὐετρανὸν τὸν πάτρωνα εὐχαριστίας χάριν, ἔτει ρθ´

«Племя Мозайд³¹ Аврелию Антонию Сабину, ветерану, патрону, благочестия ради, в 109 г.»³²

Мы не можем определить, какая именно группа людей обозначена в этом тексте греческим словом φυλή. Вероятнее всего, здесь имеется в виду какой-то клан, составляющий часть более значительного племени. Здесь для нас более важен сам факт, сообщаемый надписью. Вышедший в отставку ветеран оказывает какие-то услуги, являющиеся значимыми для этнической группировке Мозайд.

Особого упоминания здесь заслуживает одно сообщение Страбона, показывающее роль кочевников севера Аравийского полуострова в международной торговле. Рассказ географа интересен как сам по себе, так и в связи с тем, что к нему есть одно параллельное свидетельство автора гораздо более позднего времени.

Что же касается Страбона, то в конце первой главы шестнадцатой книги он рассказывает о дорогах, связывающих районы

составленные в связи с тем, что легат провинции Аравии установил мир среди народа самудян. Надписи издавались неоднократно: Graf D.F. *The Saracens and the Defense of the Arabian Frontier* // BASOR. Vol. 229, 1978. P. 1-26, в особенности – P. 9-12; Sartre M. *Trois études sur l'Arabie...* P. 27-29.

³¹ Φυ(λή) Μοζαιεδηῶν невозможно идентифицировать с каким-либо из известных сафских племен. Мнение М. Сартра (*Trois études...* P. 81) о тождественности φυ(λή) Μοζαιεδηῶν и ἠ ἰ μ ῆ ὑ δ ω одной набатейской надписи ошибочно. М. Сартр ориентируется на устаревшее прочтение надписи – Levy M.A. *Drei nabatäischen Inschriften aus dem Hauran zum ersten Male veröffentlicht und erklärt* // ZDMG. Bd.22, 1868. S. 268. Более качественное издание этой надписи (CIS. II, 164) показывает, что последняя строчка надписи читается не ἠ ἰ μ ῆ ὑ δ ω, а ἠ ἰ ῆ ῆ ὑ δ ω. В другой своей работе М. Сартр (M. Sartre. *Tribus et clans dans le Hawran antique* // Syria. Vol. 59, 1982. P. 81) также упоминает φυλή Μοζαιεδηῶν. Здесь указанию на работу М.А. Леви, он добавляет ссылки на В.Х. Уоддингтона и М. Оппенгейма, встречавших в Заиорданье XIX и XX вв. племя Бану Мезауд и считавших, что в древней надписи речь о том же самом племени. Такого рода сопоставления абсолютно бездоказательны.

³² Сто девятый год по эре провинции Аравии соответствует 214 г. н. э.

Сирии и Месопотамии, и о том, какими именно путями двигаются на восток и с востока торговые караваны³³.

По его словам, дорога от Сирии в сторону Селевкии и Вавилона проходит через земли скенитов (διὰ δὲ τῶν Σκηιτῶν)³⁴. Есть и другие пути в Месопотамию, но этот, через земли скенитов является оптимальным. На протяжении всего пути, занимающего 35 дней, имеются удобные стоянки и источники воды. Кроме того, скениты мирно настроены по отношению к путникам и умеренны во взимании налогов за проход караванов по их территории. Последнее выгодно их отличает от племенных вождей, живущих вдоль иных дорог, по которым можно попасть в Месопотамию. Вожди таких племен (φύλαρχοι) взимают подати с торговцев, проходящих по их территориям, в очень больших размерах³⁵, так как их владения расположены на не очень богатых и плодородных землях, а каждый вождь рассматривает себя как суверенного династа.

Текст Страбона показывает, что нормой международного права того времени было взимание податей с каждого торговца (или – торгового каравана) со стороны племенных вождей, через территорию которых шел караван. Отметим также, что – насколько мы можем судить – во времена написания «Географии» Страбона Рим и Парфия не регламентировали на межгосударственном уровне между собой нормы взаимоотношений с аравийскими кочевниками. Иными словами, вожди племен, о которых упоминает Страбон, взимали с торговцев подати исключительно по собственному разумению, не принимая во внимание экономические и политические интересы того ли иного государства. Это отсутствие взаимного интереса не менялось в целом несколько сотен лет.

Таковы основные факты, касающиеся форм и методом политико-экономического регулирования взаимоотношений римских властей с кочевниками в эпоху Ранней Империи³⁶. Они представ-

³³ Strab., XVI, 1, 27=C748.

³⁴ Скениты – те, кто живет в палатках, в шатрах.

³⁵ Страбон в этой связи замечает, что каждый такой династ имеет свой собственный пункт для сбора податей.

³⁶ Выше рассмотрены не все греческие надписи, имеющие отношение к кочевникам, но лишь те, что отражают политико-экономическое регулирование государственных взаимоотношений римских властей и кочевников. Об этих надписях см. также – Грушевой А.Г. Арабы в грекоязычных надписях римского и византийского Ближнего Востока // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 12, 1998. С. 56-102.

лены группой надписей, косвенно отражающих внимание римской администрации к делам кочевников и показывающих нам, что принципы политико-экономического регулирования взаимоотношений с кочевниками оставались такими же, как и в первом веке, когда эти проблемы решал Ирод Великий и его преемники.

В эпоху Поздней Империи в источниках меняется весь характер информации об аравийских кочевниках. Для периода IV-VII вв. мы имеем целую серию историй о нахождении на территории Сирии, или провинции Аравии того или иного племени³⁷.

В это время, насколько позволяют судить источники, около границ Восточной Римской Империи появляются уже совсем другие племена, оставшиеся в памяти позднейшей арабской исторической традиции³⁸. Во многом иными становятся и взаимоотношения Восточной Римской Империи с ними. Государство в IV-VII вв. лишь с огромным трудом могло добиться от кочевников такого стиля отношений, который устраивал бы обе стороны, не будучи в состоянии контролировать безопасность своих границ теми же методами и столь же эффективно, как римские императоры эпохи принципата (I-III вв.). Существенные изменения происходят и в социальном строе аравийских племен. Если знакомство авторов сафских надписей с товарно-денежными отношениями прослеживается по надписям лишь в принципе, то во всех источниках периода Поздней Античности речь идет об аравийских племенах и их вождях, осознающих себя как реальную политическую силу и чувствующих себя в мире оседлых по-хозяйски³⁹.

³⁷ Основная информация о контактах государства с аравийскими племенами для периода IV-VII вв. — это сообщения светских историков, агиографов, отцов церкви и церковных историков.

³⁸ Количество научной литературы о взаимоотношениях Византии, Сасанидского Ирана и аравийских кочевников севера Аравийского полуострова достаточно велико. На русском языке необходимо отметить многочисленные работы Н.В. Пигулевской и прежде всего ее книгу «Арабы у границ Византии и Ирана в IV-VI вв.» М-Л., 1964.

³⁹ Здесь, естественно, возникает вопрос, чем это можно объяснить и что же именно происходило в мире кочевников севера Аравийского полуострова в этот период? Ответ на этот вопрос в целом понятен. В IV-VI вв. у племен региона складываются племенные союзы и своего рода «государства» (гасаниды, лахмиды, киндиты). Естественно, что племенные лидеры в новых условиях и осознавали себя, и поступали совсем иначе, по сравнению с вождями племен того же района, но предшествующего периода. См. также: Пигулевская Н.В. Арабы у границ Византии и Ирана... С. 237-246.

Достаточно часто представители государственной власти оказывались совершенно не в состоянии контролировать кочевников и их действия, будучи вынужденными иной раз соглашаться на очень невыгодные для себя условия взаимоотношений в сфере экономики и политики.

Именно поэтому у языческих авторов отношение к аравийским племенам, как правило, отрицательное, что же касается христианских писателей, то у них взгляды на кочевников могли быть и иными, особенно если речь шла о приобщении кочевников к христианству⁴⁰.

В тоже время нельзя не отметить, что в принципе общая структура взаимоотношений государства и кочевников остается той же: при помощи политических, политико-экономических и чисто экономических методов государство более или менее успешно подерживало такие взаимоотношения с номадами, которые в целом устраивали обе стороны, хотя уже и с гораздо большим трудом. Не случайно именно в это время происходит особо тщательное укрепление всей ближневосточной границы⁴¹.

Особо отметим, что для рассматриваемого периода крайне мало количество содержательных надписей, имеющих отношение к жизни аравийских кочевников, или – тех из них, кто состоял на римской службе.

Так, наиболее содержательными оказываются две надписи середины V в., составленные «пограничным филархом», несмотря на то, что интерпретация второй надписи ясна не полностью⁴².

Первая надпись⁴³: *Φλα(ούιος) Καθελωουος, κόμης καὶ φύλαρχος (ἐκ) τῶν ἰδίων ἀνεπέωσεν καὶ ἀν(έ)ω(ξ)εν, (ἐν) χρ(όνο)ις ντ' «Флавий Кателг, комит и филарх из собственных (средств) обнови и открыл⁴⁴ в 350 г. (= 456 г. н. э.)».*

⁴⁰ О христианском отношении к аравийским кочевникам см. подробно: Грушевой А.Г. Обращение арабов в христианство у церковных авторов IV-VI вв. // ППС. Вып. 98 (35). СПб., 1998. С. 27-38.

⁴¹ Эволюция укреплений границы на Ближнем Востоке подробно описана С.Т. Паркером –Parker S. Th. *Romans and Saracens: a history of the arabian frontier*. Philadelphia, 1986. В особенности – P.123-155.

⁴² Издание – Sartre M. *Deux phylarques arabes dans l'Arabie byzantine* // Le Muséon. Т. 106, 1993. P. 145-153.

⁴³ Обе надписи найдены в поселении Декир, расположенном в области Леджа.

⁴⁴ Иначе говоря, Флавий Кателг потратил свои средства на реставрацию какого-то здания и открытие его для публики.

Вторая надпись⁴⁵: ΦΛΚΑΘΕΛ ΓΟΥΙΟΣΦΥ ΛΑΡΧΟΥΡΙΚΟΣ – Фл. Καθελγου<ι>ος φυλάρχου ὀρικός – «Фл. Кателг филарха пограничный»⁴⁶.

Сложность интерпретации этой надписи заключается в объяснении окончания слова φυλάρχου. Этот родительный падеж, вместо более ожидаемого именительного, должен в принципе свидетельствовать о том, что в тексте надписи могло быть еще одно, не сохранившееся слово, к которому и относилось φυλάρχου. Это, вероятнее всего, мог быть какой-то дополнительный титул Фл. Кателга, или – то или иное уточнение касающееся его жизни.

В этой связи отметим, что не настолько нереальным представляется вариант чтения, предлагавшийся Р. Е. Брюнновом, не знавшим о существовании первой надписи, но издавшим вторую задолго до М. Сартра. В его интерпретации текст надписи надо понимать так: Φλ. Καθελγου(ς) υἱὸς φυλάρχου ὀρικός – «Фл. Кателг сын филарха, пограничный». Эта надпись, взятая сама по себе, не ясна, так как характеристика – «какой-то сын филарха», не содержащая к тому же имени филарха, весьма необычна. Однако же наличие в одном поселении двух надписей одного и того же лица позволяет, как кажется, объяснить неполноту информации в одной из них. В одной надписи Фл. Кателг объявляет о вложении средств в обновление здания, имеющего общественное назначение. В другой надписи араб на византийской службе запечатлел память о своем происхождении⁴⁷ и о своих обязанностях в плане военной службы.

Другим возможным вариантом объяснения нелогичности текста здесь может стать допущение ошибки, то есть чтения φύλαρχος вместо φυλάρχου. Исправление последней буквы слова, делающее из формы родительного падежа именительный, также «снимает» проблему интерпретации. В таком случае Фл. Ка-

⁴⁵ Воспроизводится передача написания надписи в отмеченном издании М. Сартра, отмечающего, что на камне облом в конце первой и второй строчек, но текст при этом полный.

⁴⁶ Представлен буквальный перевод текста.

⁴⁷ В таком случае слова «сын филарха» означают, что отец Фл. Кателга также занимал высокий пост в византийском бюрократическом аппарате и также был одним из филархов, обеспечивавших безопасность границы и приграничной полосы. О надписях Фл. Кателга см. также – Grouchevoi A.G. Trois niveaux de «phylarques». Étude terminologique sur les relations de Rome et de Byzance avec les arabes avant l'islam // Syria. T. 72, 1995. P. 124-125.

телг заявляет данной надписью о том, что он – «филарх пограничный».

В историческом плане данная надпись важна следующим. Приводившиеся выше образцы надписей II-III вв. с упоминанием филархов и этнархов рисуют нам людей сравнительно низкого общественного положения. Речь идет о поступивших на римскую службу вождях племен, как правило и остававшихся стратегами одного конкретно взятого племени. Видимо, не случаен тот факт, что до нас дошла только одна надпись с упоминанием «стратега лагерей кочевников». Однако объективная необходимость контроля за ситуацией заставляла римские и затем византийские власти идти на увеличение меры ответственности филархов приграничной полосы⁴⁸. Это выражалось во все более возрастающей передаче заботы об обеспечении безопасности границы в их руки, что видно уже на примере разбиравшейся выше надписи.

Ее последнее слово (ὄρκος) следует понимать в том смысле, что Фл. Кателг, филарх, состоятельный человек и обладатель достаточно высокого титула («комит») имел в середине V в. официальные полномочия по обеспечению безопасности границ и приграничной зоны, являясь в каком-то смысле предшественником гассанидов, объединивших под своей властью провизантийски настроенных филархов арабов⁴⁹.

Самой необычной надписью, периода IV-VII вв. упоминающей аравийские племена в связи с экономическими проблемами Восточной Римской Империи является 4 фрагмент большой, но плохо сохранившейся надписи, найденной в Беершеве⁵⁰.

Первый фрагмент надписи (GIPТ., 1) содержит преамбулу и 7 строчек тарифа. Фразеология вводной части сразу показывает, что

⁴⁸ Именно так Прокопий объясняет возникновение филархата гассанидов – Proc. Bell. Pers, I, 17, 46-47.

⁴⁹ О трехступенчатой системе филархата и своеобразном «государстве» гассанидов см. подробно: Пигулевская Н.В. Арабы у границ Византии и Ирана в IV-VI вв. М-Л., 1964. С. 180-228; Грушевой А.Г. Институт филархата. Его возникновение и развитие (I в. до н. э. – VI в. н. э.) // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 7, 1995. С. 87-103. Grouchevoi A.G. Trois "niveaux" de phylarques... P. 105-131.

⁵⁰ Наиболее полное издание – Alt A. Die Griechischen Inschriften der Palaestina Tertia westlich der Araba. Berlin und Leipzig, 1921. S. 4-13. Необходимо учитывать также следующие публикации - Alt A. Die neuen Inschriften aus der Palaestina Tertia // ZDPV. Bd. 46, 1923. Heft 1-2. S. 51-64; Burkitt F.C. Notes on the Greek inscriptions from Beersheba // PEFQS. 1920. P. 16-20.

документ представляет из себя императорский декрет. Особенности стиля и языка введения близки к формулировкам вступлений и заключений вводных частей Новелл Юстиниана. Это дает некоторые основания для суждения о датировке надписи.

Другим датирующим фактором, как отметил Ф-М. Абель⁵¹, следует считать типологическую близость документа известному декрету императора Анастасия о реорганизации армии⁵². Таким образом, с большей или меньшей точностью надпись можно датировать рубежом V и VI вв., то есть временем правления императора Анастасия (491-518 гг).

Все фрагменты надписи представляют собой тариф – подробное указание, сколько должны уплачивать жители конкретного населенного пункта. Плохая сохранность текста в целом и его начала в особенности не дает возможности определить, о каком именно налоге идет речь. Текст четвертого фрагмента надписи не содержащий в сохранившихся строчках предписаний, сколько следует платить, гласит:

«.....сальт.....
 ру вождя священ-
 нейшего союза вождей племен
 Константиниановского сальтуса
 налогоплательщиков,
 каковой дают викарий второй
 Палестины, избираемый
 от Тербинта, от
 налогоплательщиков
 округа Аринделы,
 округа Петры.....»

К сожалению, приходится признать, что вследствие фрагментированности нам понятно в этом тексте далеко не все. Однако же наличие в императорском хозяйстве, названном «Константиниановский сальтус» священнейшего союза вождей племен является интересным и ценным историческим свидетельством. Сбор налогов с племен, проживавших на территории императорского хозяйства, был доверен непосредственно вождям племен, становящимися тем

⁵¹ Abel F-M. Épigraphie Grecque palestinienne. I. Nouveau fragment de l'édit byzantin de Bersabée // RB. Nouvelle série, sixième année, 1909. ¹ 1. P. 103-104.

⁵² Экземпляры декрета Анастасия обнаружены как в провинции Аравии (PPAES, 20; IGLS, XIII, 9046), так и в Киренаике (W., 1906a).

самым фактически частью государственного аппарата, чиновниками финансового ведомства. К сожалению, это единственное свидетельство такого рода, сохранившееся в источниках. Однако едва ли оно было единственным в реальной жизни.

Из конкретных эпизодов византийско-аравийских отношений периода IV-VII вв.⁵³ в данном случае представляется наиболее важным затронуть историю Аморкеса, одного из наиболее колоритных и, вместе с тем, скандальных персонажей, с которыми власти Восточной Римской Империи сталкивались в приграничной полосе⁵⁴.

В первом из сохранившихся фрагментов Малха Филадельфийского, мало известный историк рубежа V-VI вв., описаны следующие события, происходившие примерно в 473 году⁵⁵. Историк начинает свой рассказ с описания заключенного за несколько десятилетий до описанных событий мирного договора между Византией и Ираном после очередной войны. Обе стороны в договоре зафиксировали обязательство не оказывать покровительства арабам с целью использования их во вред другой стороне.

Ориентируясь на этот пункт договора, в Константинополь прибыл епископ Петр, посол от нокалийского племени⁵⁶ арабов с посланием к императору от вождя племени Аморкеса. Последний незадолго до этого перебрался в пограничные с Империей области с территории Сасанидского Ирана. Причины этого перехода

⁵³ Полный анализ всех эпизодов византийско-аравийских отношений этого времени есть в неоднократно цитировавшейся работе Н.В. Пигулевской *Арабы у границ Византии и Ирана*. Что касается зарубежных исследователей, то здесь прежде всего необходимо упомянуть многочисленные работы Ирфана Шахида. (Shahîd I. *Byzantium and the Arabs in the Fourth Century*. Washington, D. C., 1984; Shahîd I. *Byzantium and the Arabs in the Fifth Century*. Washington, D. C., 1989).

⁵⁴ Историю Аморкеса описывают многие исследователи – Пигулевская Н.В. *Арабы у границ Византии и Ирана*... С.50-54; Letsios D.G. *The Case of Amorkesos and the Question of the Roman Foederati in Arabia in the Vth Century* // *L'Arabie préislamique et son environnement historique et culturel*. Actes du Colloque de Strassbourg 24-27 juin 1987, édités par T. Fahd. Leiden, 1989. P. 525-538; Shahîd I. *Byzantium and the Arabs in the Fifth Century*. Washington, D. C., 1989. P.59-113.

⁵⁵ Издания текста: FHGr, vol. IV, p. 112-113; Exc. de leg. gent, pars 2. P. 568-569.

⁵⁶ В тексте τοῦ Νοκαλίου γένους. Это Νοκαλίου не удалось отождествить с каким-либо племенем, известным по арабским источникам.

Малху не ясны. Возможно, его племя спасалось от преследований христиан, но в источнике указаний на это нет, как нет и указаний, вопреки тому, что пишет И. Шахид, на принадлежность к христианской вере Аморкеса⁵⁷.

Как бы там ни было, очевидно, что Аморкес оказался на территории, прилегающей к границе Империи со всей или большей частью своего племени, видимо достаточно многочисленного. По словам Малха, Аморкес подчинил себе часть провинции Палестина Третья и расположенный на Красном море остров Иотабу. На этом острове находилась таможня, где собирали в пользу Империи налоги со всех товаров, ввозимых в Империю из Южной Аравии и Индии. Аморкес, изгнав императорских сборщиков налогов, установил на острове своих.

В описании действий Аморкеса у Малха Филадельфийского имеется одна очень важная деталь. Автор пишет, что Аморкес воевал с племенами сарацин, подчиняя их себе, но не затрагивал интересы ромеев и не воевал с ними. Единственной потерей Империи стал захват острова Иотаба. Однако в следующей же фразе Малх пишет, что Аморкес обирал многие расположенные по соседству деревни. Следовательно, владения Аморкеса находились на территории Империи⁵⁸. Таким образом, захват Аморкесом части территории Империи и сбор с них, как и с острова Иотаба, налогов в свою пользу, не рассматривается Малхом как война против Империи, или – как нанесение ущерба ее интересам⁵⁹.

Здесь возможны два объяснения этого явления. Аморкес мог выступать в роли откупщика, передавая часть денежных средств, собранных на Иотабе и с местного населения, в казну. С другой стороны, возможно, что этот район провинции Палестина Третья уже столь давно находился под фактическим контролем аравийских племен, что появление у племен провинции нового вождя могло и не волновать Константинополь, особенно в случае лояльного отношения такого вождя к центральной власти. Нельзя исключать и

⁵⁷ Shahîd I. *Byzantium and the Arabs in the Fifth Century*. Washington, 1989. P. 74-75. В источнике по этому вопросу говорится лишь следующее – император, принимая Аморкеса на высшем уровне, объяснял свое поведение тем, что якобы убедил его принять христианство.

⁵⁸ Невозможно представить себе ситуацию, чтобы эти «многие деревни» находились за пределами Империи.

⁵⁹ Последующее изложение ясно показывает, что Малха возмущает совсем другое – уступчивость императора.

еще одной возможной причины столь формально благодушного отношения государственной власти по отношению к Аморкесу. Даже в случае желанного противостоять такому бесцеремонному персонажу, как Аморкес, государство могло не иметь на это реальных сил.

Упрочив, таким образом, свое положение, Аморкес и направил в Константинополь своего посла к императору с просьбой утвердить его – Аморкеса – в звании филарха над арабами, живущими в районе Петры, то есть – провинции Палестина Третья. С возмущением пишет Малх о том, что Аморкес получил не только все, что хотел, но был принят императором, который даже расширил территорию, захваченную Аморкесом. Кроме того, император дал Аморкесу гарантии прав его владения. Причина же уступчивости заключалась, судя по всему, в том, что Аморкес обещал быть союзником Империи. Для императора это обещание могло на время перевесить все неудобства от союза с Аморкесом.

Свои владения Аморкес и представители «Нокалийского племени» сохраняли около 25 лет. Под 497 г. Феофан Исповедник сообщает, что дукс Палестины Роман освободил после тяжелых боев Иотабу от власти арабов. Вполне возможно не случаен тот факт, что Феофан пишет про эти события максимально кратко. Легко понять, насколько неприятна с политической точки зрения была сама ситуация, заставлявшая терпеть такого союзника⁶⁰.

Изложенный материал позволяет сформулировать несколько выводов об экономической жизни аравийских племен приграничной полосы и изменениях этой их жизни под влиянием контактов с миром оседлых.

Рим после своего появления на Ближнем Востоке, столкнулся в приграничной полосе с большим количеством кочевых аравийских племен, регламентация отношений с которыми стала жизненной необходимостью, так как они были весьма беспокойными соседями. Яснее всего об этом сказано у Аммиана Марцеллина известного историка, писавшего свой труд в конце IV в. По его словам, сарацин не пожелаешь себе ни в друзья, ни во враги, ибо они, постоянно перемещаясь через границу, быстро похищают все, что удастся найти⁶¹.

Традиционными занятиями кочевников севера Аравийского полуострова и в римское время, и в IV-VI вв. оставалось скотовод-

⁶⁰ Theophanis Chronographia ex recensione I. Classeni. Bonnae, 1839. P. 218: 11-17.

⁶¹ Amm. Marc., XIV, 4, 1.

ство, разнообразное по своим видам. Это видно, среди прочего, из некоторых свидетельств ранневизантийского времени, сообщающих, что стада кочевников могли состоять как из верблюдов, так и из лошадей и овец.

Политико-экономические методы римских властей, по регламентации взаимоотношений с кочевниками были полностью заимствованы ими и лишь слегка развиты от иудейских династов и, возможно, набатейских царей, хотя никакой достоверной информации о возможных взаимоотношениях набатейских монархов с аравийскими племенами у нас нет ввиду отсутствия источников.

Методы эти включали в себя:

– финансовые взаимоотношения сторон. Как показывают источники, контакты администрации ближневосточных провинций с кочевниками в этом вопросе стали со временем сводиться следующему. Византийская администрация предпочитала покупать лояльность кочевников, находящихся в орбите их влияния, выплачивая регулярное денежное содержание, то есть, используя их как наемников⁶².

Для римского времени мы располагаем надписями, подтверждающими использование аравийских кочевников на военной службе, но не располагаем подтверждениями того, что римские власти платили кочевникам какие-либо денежные средства.

На наш взгляд, это обстоятельство объясняется исключительно случайностью – тем, что до нас не дошли источники, где про это говорилось. В пользу такого предположения рассмотренный выше рассказ Иосифа Флавия про Зенодора, в котором большое занимают перипетии, связанные с продажей части Ауранитиды, а также – весьма вероятное посредничество кочевников в передаче денег от Ирода набатейскому монарху. Возвращаясь к римлянам, отметим также совершенно естественным для римской власти было стремление приобщать к «цивилизации» все «дикие» народы, а это без торговых связей и стабильного денежного обра-

⁶² Насколько можно судить по тексту Менандра Протектора, практически всегда, во время дипломатических переговоров византийской стороны с послами Сасанидского Ирана так или иначе всплывал вопрос о денежных средствах, передаваемых властями Восточной Римской Империи аравийским племенам. См., например: Dexippi, Eunapii, Petri Patricii, Prisci, Malchi, Menandri Historiasrum quae supersunt e recensione I. Bekkeri et B. G. Nibehrii cum versione latina per. I. Classenum emendata. Bonnae, 1829. P. 292:3 - p. 295:17; 358: 17-18.

щения было невозможно. Для сравнения отметим, что Гай Юлий Цезарь в первой же главе Галльских войн увязывает дикость нравов галльских племен, живущих в отдалении от Италии, с тем, что они живут далеко от цивилизованной жизни (=от римских владений) и что к ним редко добираются торговцы, привозящие товары, способствующие смягчению нравов таких племен⁶³.

Политико-экономические методы римских и византийских властей по урегулированию отношений с кочевниками включали в себя также:

- определение территории, где кочевники могли находиться⁶⁴;
- определение правового статуса кочевников, находящихся на территории Империи.

Имеющиеся источники позволяют лишь отметить, что в до римский период такая политика не обрела, судя по всему, четких форм и отдельные шаги в этом направлении Зенодора и Ирода Великого были в то время именно отдельными шагами, попыткой найти нужное решение в совершенно новой ситуации и политической реальности.

Положение дел полностью меняется в римское время. Формирование стабильной власти в регионе способствовало четкой регламентации и отношений власти с кочевыми племенами. Их брали на военную службу, им присваивали официальные звания («филарх, этнарх, стратег»), им выделялась для нахождения на территории Империи определенная территория («лагеря кочевников»). Нехватка источников не позволяет ответить в данном случае на некоторые очень важные вопросы. Например: каков был принцип выделения этих лагерей – на каждое племя по своему особому лагерю, или же один лагерь мог быть рассчитан на несколько племен; были ли лагеря заполнены круглый год, или в какие-то месяцы они пустовали; были ли эти лагеря закреплены постоянно за одним и тем же племенем, или же «население» лагерей кочевников могло меняться каждый год.

Вероятнее всего – хотя для римского времени прямых сведений и нет – уже во II-III вв. племена кочевников, находившиеся на

⁶³ Caes. De bell. Gall., I, 1,3.

⁶⁴ Интересно отметить, что при этом до нас не дошло ни одной надписи из районов Ближнего Востока, содержащих предписания властей выделить земли для кочевых племен. Надписи такого типа известны из Северной Африки: С1L, VIII,8813=8814. (Первая половина IIв. н. э.). Отсутствие же в нашем распоряжении таких надписей с Ближнего Востока объясняется, вероятнее всего, только тем, что они не сохранились.

римской службе, состояли на государственном обеспечении, получая от государства жалованье.

Сохранившиеся грекоязычные надгробные надписи вождей племен на римской службе показывают, что как минимум для вождя и его ближайшего окружения служба римским интересам представлялась занятием престижным и выгодным.⁶⁵ Последнее едва ли могло иметь место без реальных материальных стимулов – в том числе и регулярных денежных вложений со стороны представителей государственной власти.

Так политика в сочетании с экономикой постепенно превращала кочевников в оседлых жителей восточных провинций.

Появление в IV-VI вв. в приграничной полосе иных племен и общее ослабление государственной власти и государственного контроля привели к тому, что форма политико-экономических отношений с кочевниками осталась той же, но суть отношений во многом стала другой.

Племенные союзы, располагавшиеся в IV-VI вв. вдоль границ Византии и Ирана, возглавлялись крупными политическими фигурами, которые в ряде случаев оказывались способными диктовать Константинополю свою волю. Кроме того, такие вожди чувствовали себя в приграничной полосе хозяевами положения и позволяли себе в целом ряде случаев пренебрегать интересами Константинополя по сути при формальном соблюдении приличий. Власти же Восточной Римской Империи вынуждены были в целом ряде случаев терпеть такое отношение из-за собственной политической слабости. Разбиравшаяся выше история Аморкеса в этом отношении не единственная. Разница будет заключаться лишь в том, что история Аморкеса взволновала Малха Филадельфийского несколько больше, чем других авторов, у которых встречается сходная информация.

Так, реальное, достаточно независимое, положение аравийских племен в приграничной полосе видно в некоторых сообщениях Менандра Протектора, автора VIв.⁶⁶ У него встречается последнее

⁶⁵ О многом говорит и следующий факт. Как минимум один из упоминаемых в надписях вождей носит двойное имя – Адриан Соад Малех.

⁶⁶ Использованное издание – Dexippi, Eunapii, Petri Patricii, Prisci, Malchi, Menandri quae supersunt e recensione I. Bekkeri et B. G. Niebuhrii cum versione latina per I. Classenum emendata. Bonnae, 1829. *Historici Graeci Minores*. Edidit Ludovicus Dindorfius. Vol. II. Menander Protector et Agathias. Lipsiae, 1871. Есть старый русский перевод: – Византийские историки Дексипп,

по времени⁶⁷ упоминание об использовании аравийских племен на Ближнем Востоке великими державами в экономических и политических целях. Речь идет о событиях 561 года, когда Восточная Римская Империя и Сасанидский Иран, заключая мирный договор после очередной войны, подробно фиксировали множество ценных деталей, касающихся, среди прочего, взаимоотношений обеих сторон с аравийскими племенами севера Аравийского полуострова⁶⁸.

Как обычно, упоминания об аравийских племенах появляются в договоре как в связи с политическими проблемами, так и в связи с чисто экономическими взаимоотношениями великих держав. Первое из положений об арабах в данном договоре является политической декларацией о том, что персидские (лахмиды) и ромейские (гассаниды) арабы должны пребывать на своих территориях и не поднимать оружия против другой стороны⁶⁹. Чуть ниже, в девятом пункте договора, повторяется та же самая мысль, но в ней аравийские племена не названы:

«Не нападать и не идти войной против народа, или какой-либо области, находящейся в подчинении другого государства, однако же более того, без вреда и без нанесения какого-либо ущерба, пребывать в том же самом⁷⁰, чтобы и противоположенная сторо-

Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец, переведенные с греческого Спиридоном Дестунисом. Примечания Гавриила Дестуниса. СПб., 1860. Специальное исследование мирного договора 561г. и роли аравийских племен во взаимоотношениях великих держав – I. Kawar. *The Arabs in the peace treaty of A. D. 561 // Arabica*. Т. 3, 1956. Р. 181-213. См. также: Пигулевская Н.В. Арабы у границ Византии и Ирана в IV-VI вв. С. 108-112. Подробное исследование о Менандре Протекторе и его сочинении – Удальцова З.В. Идейно-политическая борьба в Ранней Византии (поданным историков IV-VIII вв.). М., 1974. С. 243-274.

⁶⁷ Во всяком случае, если говорить о тех сочинениях, которые дошли до наших дней.

⁶⁸ У достаточно оснований считать, что положения о взаимоотношениях с аравийскими племенами, зафиксированные в данном договоре, не были изобретены в VI в, а фиксировали практику, сложившуюся гораздо раньше. Иными словами, следует считать исторической случайностью тот факт, что все приводимые ниже подробности сохранились только у Менандра Протектора, но не у авторов предшествующих десятилетий и столетий.

⁶⁹ См.: Dextrii, Eunarii... Р. 360: 2-6.

⁷⁰ Подразумевается status quo – проживание на своей территории,

на [могла] вкусить мир»⁷¹.

В тексте далее следует тщательно прописанный параграф о транзитной торговле и почтовой связи по территории Восточно-Римской Империи, через территорию Сасанидского Ирана и через зоны, заселенные аравийскими племенами. Он начинается со следующего утверждения: ромейские и персидские торговцы, вне зависимости от того, какие товары они везут для продажи, должны пересекать границу лишь в тех местах, которые определены для этого старинным обычаем. Подразумеваются при этом те пункты, в которых по традиции брали десятину. Судя по договору, единственное исключение, освобождение от уплаты пошлин, было у дипломатов и курьеров, использовавших общественных лошадей⁷² для быстроты доставки необходимых сообщений. Эта категория лиц могла провозить любые товары без уплаты пошлин⁷³.

Сразу же после этих формулировок в договоре идет следующее уточнение, касающееся непосредственно сарацин севера Аравийского полуострова. Фраза эта важна, ибо показывает, что в обеспечении торговых связей между двумя странами немалая роль принадлежала не только чиновникам, но и племенам севера Аравийского полуострова.

«Чтобы сарацины и любые варвары не водили бы торговцев обоих государств неизвестными дорогами, но, прежде всего, через Нисибин и Дару и чтобы без распоряжения властей, не отправлялись в иные [области]»⁷⁴. Если же, вопреки тому, что реше-

ненападение на народы и области, находящиеся в подчинении другой стороны.

⁷¹ Текст цитируется по следующему изданию – Dēxipri... Bonnae, 1829. P. 360:20-361:1.

⁷² Имеется в виду государственная почтовая служба.

⁷³ Сам факт внесения в договор таких пунктов показывает, что упомянутые нарушения были и, вероятно, их нельзя было назвать очень редкими.

⁷⁴ В тексте здесь употреблено абсолютно ясное с этимологической точки зрения слово ἄλλοδαπή, являющееся, судя по всему, уникальным. (Во всяком случае, в известном англо-греческом словаре GEL оно отсутствует: GEL, p.69). Это – существительное, образованное от прилагательного ἄλλοδαπός – «чужой». Значение слова в данном отрывке приходится толковать по контексту. В данном пункте договора предписывается сопровождать и направлять торговцев по известным путям только в Нисибин и Дару. Иными словами, слово ἄλλοδαπή может означать либо другие – помимо установленных – дороги, по которым

но осмелятся на что-либо, или же, как говорится, украдут подати⁷⁵ и будут выслежены пограничными властями, вместе со всеми товарами – вне зависимости от того являются они ассирийскими, или ромейскими – они должны быть переданы (властям) для наказания»⁷⁶.

Это сообщение источников важно в очень многих отношениях. Во-первых, перед нами неопровержимое свидетельство заметной роли аравийских племен в обеспечении торговых связей между двумя государствами. Во-вторых, в документе ясно указаны те «отступления» от роли проводников караванов, на которые могли решаться представители аравийских племен, сопровождавшие торговые караваны. Караван мог быть направлен кочевниками-проводниками в другие, несогласованные между державами, города и даже области для избежания уплаты налогов и, тем самым, обогащения непосредственно представителей племен. Экономический ущерб от такой деятельности был, судя по всему, немалым, так как оба государства зафиксировали в договоре обязательства избегать таких ситуаций и наказывать виновных, или, по крайней мере, пытаться наказывать нарушителей, ибо реаль-

возбраняется направлять торговцев, двигающихся в Нисибин и Дару, или же – другие регионы, помимо Нисибина и Дары. Первый вариант истолкования встречается у Н.В. Пигулевской (Пигулевская Н.В. Арабы у границ Византии и Ирана в IV-VI вв. С. 111), второй – у И. Классена (Dexiprii, Eunapii, Petri Patricii, Malchi, Menandri Historiarum quae supersunt e recensione Imm. Bekkeri et V. G. Niebuhrii cum versione latina per Io. Classenum emendata. Bonnae, 1829, p. 360). Аналогично понимал данное место и С.Ю. Дестунис – Византийские историки... С. 343. С точки зрения автора данной работы, интерпретация И. Классена и С.Ю. Дестуниса является более предпочтительной.

⁷⁵ В тексте употреблено редкое слово (κλεπτοτελωνήσουσιν), встречающееся только у некоторых авторов византийского времени. Предложенный перевод отражает этимологию слова. Возможные варианты толкований – С.Ю. Дестунис (Ук. соч. С. 343) – «провозить товары мимо таможи», Н.В. Пигулевская (Ук. соч. С. 110) – «обходить тайно таможи», англо-греческий словарь (GEL., p.958) – smuggle (= заниматься контрабандой).

⁷⁶ В тексте употреблено слово (εἰθύνη), не позволяющее точно сказать, какое именно наказание предусматривалось в данном случае. В результате наблюдаются значительные расхождения в толкованиях конца данной фразы. У Н.В. Пигулевской (Ук. соч. С.110) – «для взимания штрафа», у С.Ю. Дестуниса (Ук. соч. С. 343) – «для должного наказания».

ные возможности как-либо наказать нарушителей этих предписаний были весьма ограничены. Настоящих, действенных механизмов, которые могли позволить контролировать положение в среде союзных аравийских племен отсутствовало как у Сасанидского Ирана, так и в Византии.

Особо хотелось бы отметить логическую связь рассказа Менандра Протектора о договоре 561 г. и разбиравшегося выше отрывка из Страбона о торговых путях, соединявших Рим и Парфию на рубеже эр. Сопоставление двух текстов наглядно показывает, насколько изменилась роль аравийских кочевников в делах международной торговли. Если во времена написания «Географии» Страбона Рим и Парфия никак не регламентировали взаимоотношения между собой, имея в виду направления торговых путей и роль кочевых племен в обеспечении торговых связей, то в VI в. обе великие державы осознавали необходимость по упорядочению этих отношений для того, чтобы свести к минимуму любой возможный ущерб от несанкционированных действий кочевников.

Судя по всему, для объяснения стремления великих держав упорядочить взаимоотношения не только между собой, но и в связи с союзными аравийскими племенами, необходимо учитывать все возможные причины этого явления:

– прежде всего, это - возрастание, возможно даже значительное⁷⁷, объемов торговли между великими державами;

– во-вторых, - изменения в социальной организации аравийских кочевников, заинтересованных в больших размерах, чем ранее, доходах от транзитной международной торговли и, по сравнению с эпохой Принципата, втянутых в гораздо большей степени в экономическую жизнь великих держав.

Такова вся сохранившаяся в источниках информация о политико-экономических мерах регламентации взаимоотношений великих держав между собой и по отношению к аравийским племенам. Приведенные факты хорошо показывают, насколько контакты оседлых и кочевников, а особенно приобщение последних к товарно-денежным отношениям, ускоряли общественное развитие племен данного региона.

⁷⁷ В нашем распоряжении нет статистических данных, которые позволили бы подтвердить это цифрами.

A. G. Grouchevoy

Les principes des relations de Rome et de Byzance avec les tribus nomades arabes

Les principes des relations du pouvoir romain et proto-byzantin avec les tribus arabes nomades étaient empruntés par eux de la part dynastes juifs (Hérode et ces héritiers) et peut-être aussi de monarques nabatéens.

Ces principes se composaient de réglementations dans trois domaines: les finances, le problème du territoire et du statut juridique.

L'administration byzantine préférait d'acheter la loyauté des nomades qui étaient dans leur sphère d'influence. Les nomades recevaient un salaire régulier et étaient utilisés pour la défense de la frontière en qualité des troupes auxiliaires. Quant à l'époque romaine, nous avons en notre disposition des inscriptions qui prouvent l'utilisation des nomades en qualité des forces auxiliaires, mais nous n'avons pas de preuves de paiements de la part des autorités romaines aux tribus arabes nomades.

Les réglementations des relations avec les tribus nomades arabes devaient résoudre aux temps romains et byzantins encore deux problèmes:

- la délimitation du territoire où les nomades pouvaient vivre pendant leur séjour sur le territoire de l'Empire.

- les autorités romaines et byzantines tâchaient aussi toujours à préciser le statut juridique des tribus arabes nomades se trouvant sur le territoire de l'Empire. C'est justement pour cela que les nomades étaient considérés et traités le plus souvent comme les alliés pris au services de l'Empire.

Ces thèses sont illustrés dans le texte par les inscriptions de l'époque romaine et byzantine, par certains passages de Flavius Josèphe, ainsi que par certains passages des auteurs de l'époque proto-byzantine.

